

О. А. Волкова (Белгород), УДК 39.392.35, 101.1:316, 159.922.4  
А. Н. Оставная (Тирасполь, Приднестровье)

**ЭТНИЧЕСКИЙ И ГРАЖДАНСКИЙ СТАТУСЫ МИГРАНТОВ  
КАК ФАКТОРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ  
(НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВСКИХ МИГРАНТОВ)**

*Актуальность темы исследования*

Интенсивная миграция населения сопряжена с возникновением различных видов конфликтов. Среди ученых и практиков не сложилось единого мнения об их природе.

В рамках настоящей статьи осуществлена попытка применения элементов конфликтологических теорий в описании трудовой миграции населения Приднестровья. Особенность потока приднестровских мигрантов, заключающаяся в том, что он состоит из трех этнических и гражданско-правовых групп (русские, молдаване и украинцы; граждане Республики Молдова, России и Украины), позволяет проанализировать этничность и гражданственность как факторы конфликтогенности миграции.

Полученные результаты могут иметь практическую значимость для выработки целевой миграционной политики как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах рабочей силы.

*Методология исследования*

Существуют многочисленные исследовательские подходы, позволяющие описать миграционные процессы. Конфликтологическая парадигма редко используется при объяснении миграционных процессов, однако ее познавательный потенциал в этой сфере весьма высок.

В зарубежной литературе при рассмотрении миграции с точки зрения конфликтологического подхода принято оперировать концепциями Х. Блэкклока,

Э. Геллнера, Д. Кэмпбелла, Р. Парка, Д. Хоровица, П. Шибутани [Шапаров 2010]. В отечественной науке наиболее авторитетны подходы А. В. Дмитриева [Дмитриев 2009], Я. М. Лебедева и А. Н. Татарко [Лебедева, Татарко 2005].

В российских публикациях на тему конфликтогенности миграции рассматриваются как личные [Бельски 2008; Психологическая помощь 2002], так и социальные конфликты, вызванные миграцией. Последние, как правило, возникают в результате взаимодействия мигрантов и резидентов, которые принадлежат к разным этническим и социокультурным группам [Дмитриев, Пядухов 2005; Габдрахманова 2007; Нос 2007: 185].

Природа социальных конфликтов разными авторами объясняется по-разному. С одной стороны, утверждается, что маркером при определении статуса мигранта выступает этничность [Габдрахманова 2007], с другой стороны, высказывается мнение, что миграционный конфликт может маскироваться под этнический или социальный, но именно миграционные характеристики становятся мобилизующими символами для столкновения, и именно они определяют природу и динамику конфликта [Дмитриев 2009: 9].

Если рассматривать конфликт с социологической точки зрения, то его субъектом становятся мигранты, которые по мнению Т. Н. Юдиной, составляют социальные группы, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности [Юдина 2006]. Содержание конфликта может носить как личностный, так и межличностный или межгрупповой характер.

Основные тезисы статьи проиллюстрированы результатами социологического исследования на тему «Мигранты в новом сообществе: адаптация и интеграция», проведенного авторами статьи на базе научно-исследовательской лаборатории «Социология» Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в апреле 2014 г. Выборка исследования составила 270 респондентов и охватила сезонных мигрантов, которые чередуют поездки на заработки с отдыхом на родине, и мигрантов, приехавших навестить родных. Исследование проводилось на всей территории Приднестровья.

Конфликты в сфере трудовой миграции являются результатом взаимодействия объективных и субъективных факторов [Сулягина 2013]. Трудноизмеримые личностные (субъективные) факторы конфликтов при опросе не учитывались. Корреляции подверглись лишь основные этнические и гражданские статусы мигрантов.

В работе также приводятся итоги иных исследований общественного мнения по тематике миграции, проведенных в России.

### *Основные черты приднестровской миграции*

Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) возникла в 1990 г. в результате противостояния с Республикой Молдова и в настоящее время является одной из зон замороженного конфликта постсоветского пространства. Трудовая миграция — это одна из характерных черт региона. В нее вовлечено порядка 20–33% населения, что составляет около 100–170 тыс. человек [Рынок денежных переводов 2013].

Выезд населения за рубеж в поисках заработков, с одной стороны, свидетельствует о глобальной тенденции мобильности населения, с другой стороны, имеет специфические причины, обусловленные непризнанием статуса республики (уменьшение рынка труда, сокращение доходов населения).

На индивидуальном уровне причины миграции приднестровского населения можно объяснить в категориях марксистской теории. В регионе образовалась большая группа людей, которая оказалась за пределами рынка труда и по причине неудовлетворительного экономического положения была вынуждена выехать за рубеж.

Результаты социологических исследований подтверждают, что мигранты движимы экономическими интересами. В качестве «выталкивающих» причин 63,5% мигрантов указывают тяжелое материальное положение; 55,3% — отсутствие жизненных перспектив; 50,6% — сложности в трудоустройстве; 21,8% — уменьшение заработной платы; 15,9% — затянувшийся политический кризис.

Основной «встречный» фактор для 92,9% мигрантов хорошая, регулярная зарплата. Таким образом, миграционное поведение является одной из форм борьбы за изменение преимущественно экономического положения мигранта. При этом в новом статусе мигрант стоит перед лицом новых конфликтов: личностных, социальных, трудовых.

### *Личностные конфликты у приднестровских мигрантов*

Миграционное поведение может провоцировать внутренние противоречия, связанные с идентификационной системой мигранта и раздвоенностью его жизненного опыта, когда трудовая деятельность отделена от личной/семейной жизни.

Население Приднестровья является иллюстрацией феномена «маргинального человека», который, согласно Р. Парку, «находится на границе

между двумя или несколькими мирами, но не принимается ни одним из них как “полноправный участник”» [Парк 1998]. Неопределенность политического статуса региона привела к тому, что население, проживающее на этой территории, имеет разное гражданство: приднестровское, молдавское, российское, украинское (в Приднестровье разрешен институт двойного гражданства).

В Приднестровье равноправно проживают представители многих национальностей: молдаване (31,9%), русские (30,4%), украинцы (28,8%), болгары, белорусы и представители других этнических групп (2,5%). Исследования разных лет демонстрируют, что население Приднестровья имеет широкий диапазон идентичностей [Бабилунга1999; Губогло 1999: 286; Колосов, Заяц 2001]:

- цивилизационных (СССР, Православный мир, Русский мир, Европейская цивилизация);
- этнических (молдаване, русские, украинцы), которые не всегда коррелируют с этническими признаками (языком, исторической памятью, стереотипами поведения);
- гражданских (гражданин Приднестровья, Республики Молдова, России, Украины), которые также могут не совпадать с этническим статусом индивида.

Наличие российского, молдавского, украинского гражданства может рассматриваться в идеологическом ключе, когда этническая идентичность и политические предпочтения выступают в качестве предпосылок получения двойного гражданства. Или получение двойного гражданства может носить исключительно утилитарный характер, когда документы, выданные ПМР, не признаны за ее пределами, паспорт другого государства позволяет иметь легальный статус за пределами приднестровской территории. При этом носитель указанных гражданств может не иметь опыта проживания в этих странах, не пользоваться совокупностью обязанностей и прав, которые предполагает то или иное гражданство (служба в армии, участие в выборах, участие в социальных программах и т. д.).

Этнические и гражданские статусы опрошенных мигрантов представлены на Рис. 1 и 2.

Анализ групп приднестровских мигрантов с точки зрения их этнических и гражданских статусов показывает частое несовпадение этнической принадлежности и гражданства мигрантов.

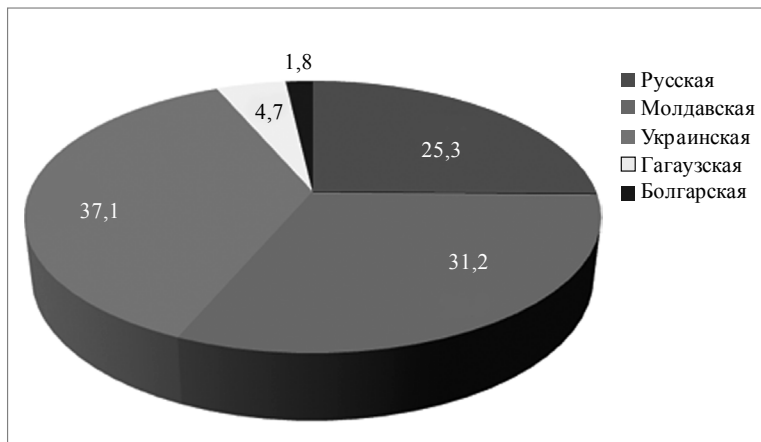


Рис. 1. Этническая идентичность приднестровских мигрантов (%)

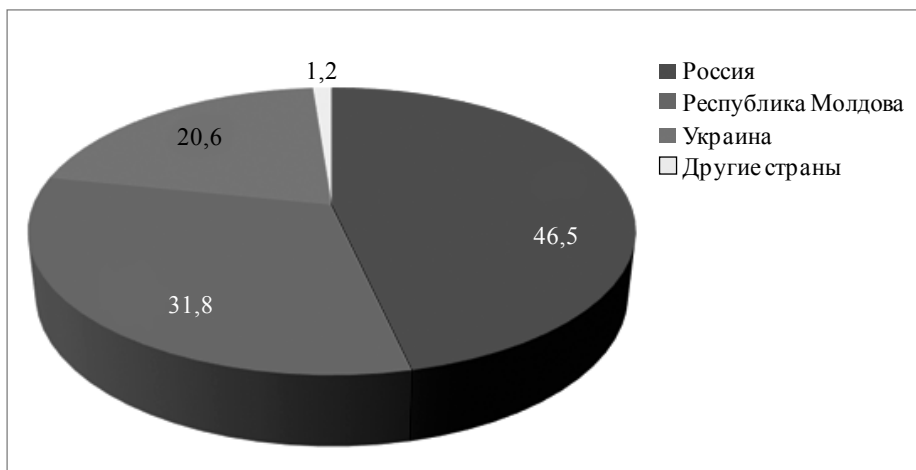


Рис. 2. Гражданство приднестровских мигрантов (%)

Высокая степень однородности характерна лишь для двух групп приднестровских мигрантов: граждан Украины, из которых 90% составляют украинцы и 10% болгар, и русской этнической группы, которая состоит из 96,2% граждан Российской Федерации и 3,8% граждан Республики Молдова (Рис. 3, 4).

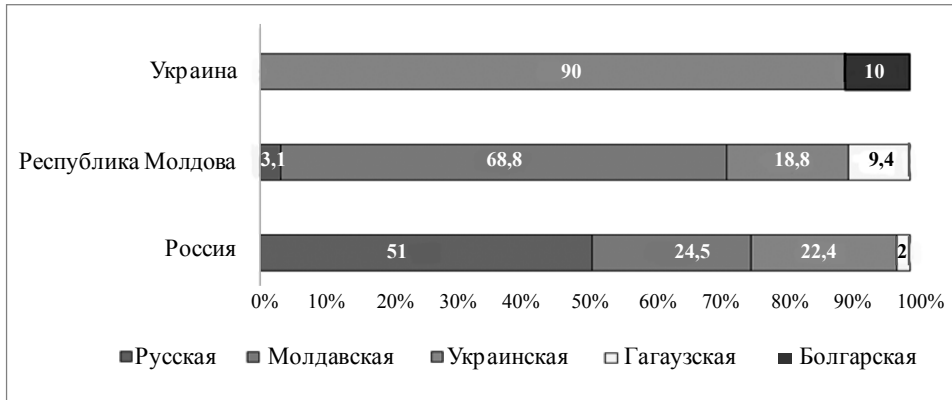


Рис. 3. Этничность гражданских групп приднестровских мигрантов (%)

Специфика идентичности приднестровского населения в целом и мигрантов в частности, является ключевым аспектом в понимании вектора миграции. Для 85–90% приднестровских мигрантов страной трудоустройства является Россия.

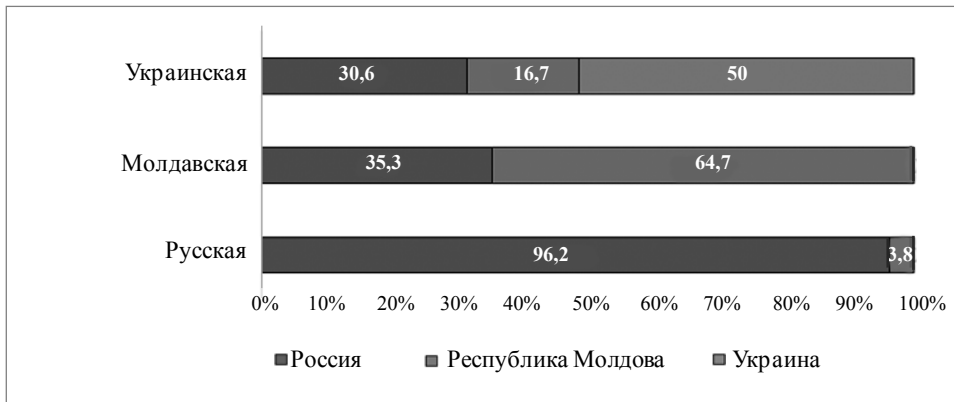


Рис. 4. Гражданство этнических групп приднестровских мигрантов (%)

Вопреки полиэтнической структуре приднестровского общества в целом, население ПМР осознает себя частью Русского мира (на территории Приднестровья функционирует российская образовательная система, транслируются российские телеканалы, вещают российские радиостанции, абсолютное большинство населения русскоязычное). В ходе анкетирования 42,4%

мигрантов, наряду с причинами экономического характера, объяснили привлекательность страны эмиграции, выбрав из предлагаемых вариантов ответов следующий: «Понимаю язык, культуру этой страны». Таким образом, приднестровские мигранты в этом аспекте выгодно отличаются от мигрантов Азиатско-Тихоокеанского (Китай); Центрально-Азиатского (Таджикистан) и Кавказского (Азербайджан) регионов, не нуждающихся в языковой, культурной социализации. Единство цивилизационного кода приднестровских мигрантов и населения России создает основу для их «культурной совместимости» [Глухова 2005] и в большинстве случаев позволяет избежать проблем с аккультурацией, а также интеграцией в российский социум.

С другой стороны, проблемной остается раздвоенность жизненного опыта мигрантов. По результатам опросов, 57,6% мигрантов состоят в официальном, 20% — в неофициальном браке. У 62,4% мигрантов есть дети, в том числе несовершеннолетние, которые на время пребывания за рубежом остаются на воспитание супруга — 67,1%, бабушки (дедушки) — 26,8%, старших детей — 1,2%, других родственников — 4,9%.

Чтобы избежать жизни на два дома, 13,5% мигрантов перевезли свои семьи за рубеж; 11,2% в перспективе собираются это сделать; 54,7% сохраняют существующую ситуацию, 20,6% затрудняются что-либо планировать на этот счет.

Период жизни в режиме миграции у 20,6% опрошенных составляет менее 6 месяцев, у 15,3% — от 6-ти месяцев до 1-го года; у 25,9% — от 1-го до 3-х лет; у 16,5% — от 3-х до 5-ти лет; у 17,1% — от 5-ти до 10-ти лет; у 2,9% — от 10-ти до 15-ти лет; у 1,8% — свыше 10-ти лет. При этом различна продолжительность пребывания мигрантов за рубежом в течение года. 17,8% респондентов указали, что находятся за рубежом до 3-х месяцев в году, 25,7% — 4–6 месяцев, 22,8% — 7-9 месяцев, 33,7% — свыше 10 месяцев.

Работа за рубежом для многих семей сопряжена с отрицательными последствиями. Среди мигрантов 35,1% отметили, что им не стало хватать времени на воспитание детей; 13,1% признались, что ухудшились внутрисемейные отношения; 1,2% указали, что стали злоупотреблять алкоголем муж или жена; в 4,2% случаев миграция привела к распаду семьи.

Сравнительный анализ результатов социологического исследования приднестровских мигрантов с точки зрения этничности и гражданской принадлежности показывает, что этнические русские и россияне в положении миграции отличаются от своих соотечественников молдаван и украинцев, а также носителей молдавского и украинского гражданства более комфортными

условиями проживания, лучшим самочувствием, более высоким уровнем укорененности (чаще мигрируют вместе с семьей и планируют переехать в Россию на постоянное место жительства) (Табл. 1).

Таблица 1

**Параметры, обуславливающие возникновение и развитие личностных конфликтов у приднестровских мигрантов (%)**

Вопросы анкеты и варианты ответов	Все приднестровские мигранты	Этничность			Гражданство		
		Русская	Молдавская	Украинская	Россия	Р. Молдова	Украина
<b>Место проживания мигранта</b>							
Живет там, где работает («на объекте», в вагончике, на рынке и т. п.)	<b>24,5</b>	19,2	14,7	30,6	18,4	18,8	50,0
Живет в общежитии	<b>16,7</b>	11,5	20,6	19,4	20,4	21,9	0,0
Арендует жилье	<b>38,2</b>	30,8	50,0	36,1	34,7	46,9	35,0
Живет у родственников/друзей	<b>14,7</b>	<b>19,2</b>	14,7	11,1	<b>16,3</b>	12,5	15,0
Есть собственное жилье	<b>5,9</b>	<b>19,2</b>	0,0	2,8	<b>10,2</b>	0,0	0,0
<b>Самочувствие мигранта в стране пребывания</b>							
Хорошее	<b>44,7</b>	<b>57,7</b>	47,1	30,6	38,8	56,2	30,0
Удовлетворительное	<b>48,8</b>	38,5	47,1	61,1	57,1	37,5	60,0
Плохое	<b>6,5</b>	3,8	5,9	8,3	4,1	6,2	10,0
<b>Намерение мигранта перевезти свою семью за рубеж</b>							
Семья уже там	<b>11,2</b>	<b>15,4</b>	8,8	13,9	<b>16,3</b>	3,1	10,0
Да	<b>54,7</b>	<b>19,2</b>	5,9	8,3	<b>14,3</b>	9,4	5,0
Нет	<b>13,5</b>	46,2	70,6	44,4	38,8	78,1	55,0
Затрудняюсь ответить	<b>20,6</b>	19,2	14,7	33,3	30,6	9,4	30,0
<b>Что мигрант планирует делать дальше</b>							
Остаться там на постоянное жительство	<b>25,9</b>	<b>46,2</b>	12,5	25,7	<b>35,4</b>	12,9	15,8
Работать длительное время (год и более), а затем вернуться на родину	<b>25,3</b>	26,9	34,4	17,1	29,2	25,8	15,8
Заработать деньги за короткое время (менее года) и вернуться на родину	<b>28,3</b>	19,2	21,9	34,3	18,8	29,0	47,4
Регулярно уезжать на заработки	<b>20,5</b>	7,7	31,3	22,9	16,7	32,3	21,1



Согласно общим положениям системно-синергетического подхода, в условиях миграции личность ослаблена дезорганизующими факторами социальной и морально-психологической природы [Горина 2010: 44]. Состояние кризисности внутри системы «личность» усугубляют: 1) экстернальные причины — депривированность индивида вследствие невозможности удовлетворения базовых и социальных потребностей; социальная изоляция; маргинальность; 2) интернальные причины — факторы вынужденной миграции, переживание культурного шока, ностальгия по родине и привычным для индивида условиям жизни; кризис идентичности (культурной, профессиональной, семейной) [Психологическая помощь 2002: 259]. В конечном итоге преодоление внутриличностных конфликтов, связанных с миграцией, зависит от способности мигранта к интеграции с принимающим социумом (по определению П. А. Сорокина, Р. Э. Парка, Д. Берри и др.) [Маслова 2008; Смолина 2012; Человек «на границе» 1998]. Оказание помощи мигрантам в преодолении личностных конфликтов возможно посредством реализации программ социальной защиты как самих мигрантов, так и членов их семей, как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах (помощь в интеграции, социально-психологическая поддержка, оказание социальных услуг и др.).

### *Социальные конфликты приднестровских мигрантов и мигрантофобия*

Исследователи миграции, работающие в рамках конфликтологического подхода, уделяют основное внимание изучению конфликтного взаимодействия резидентов и мигрантов. Исследование, проведенное среди приднестровских мигрантов, показывает, что у них низкий конфликтный потенциал. Около 2/3 приднестровских мигрантов связаны формальными (в том числе трудовыми) отношениями с представителями российского общества; 20,8% указывают, что работают в коллективе, где «в основном местные работники»; 49,4% трудятся в смешанных коллективах, где «и мигранты, и местные работники». Около 1/3 мигрантов включены в анклавные рынки труда: 22,6% работают в среде, где «в основном мигранты из разных стран»; 7,1% трудятся в коллективах, где в основном заняты их же земляки.

По мнению исследователей проблем конфликтности, у мигрантов, с одной стороны, включенность в систему отношений с местным населением способствует приживаемости в принимающем обществе. С другой стороны, поддержание отношений с соотечественниками также служит адаптации мигрантов, но уже с помощью механизма социальной поддержки [Манапова 2013: 3].

Согласно результатам опроса приднестровских мигрантов, у 80% из них нет опыта конфликтных взаимодействий; у 14,7% был конфликт с другими приезжими; у 5,3% — с местным населением; жертвами преступлений становились 7,1%.

Анализ полученных данных во всех случаях показал характерные смещения. Положение как приднестровских этнических русских, так и российских граждан в условиях миграции на территории России более благоприятно, чем положение приднестровских этнических молдаван, украинцев и граждан Республики Молдова и Украины. Среди них более низкая доля тех, кто работает в анклавных рынках труда, вступает в конфликты с местным населением, становится жертвами преступлений (Табл. 2).

Таблица 2

**Ответы респондентов на вопросы, демонстрирующие наличие социальных конфликтов, в которые были вовлечены приднестровские мигранты (%)**

Вопросы анкеты и варианты ответов	Все приднестровские мигранты	Этничность			Гражданство		
		Русская	Молдавская	Украинская	Россия	Р. Молдова	Украина
<b>Кто, кроме мигранта, работает на этом же предприятии, фирме</b>							
В основном наши земляки	7,1	3,8	8,8	8,6	8,2	6,2	10,5
В основном мигранты из разных стран	22,6	0,0	38,2	22,9	16,3	37,5	10,5
И мигранты, и местные работники	49,4	65,4	35,3	42,9	49,0	46,9	47,4
В основном местные работники	20,8	30,8	17,6	25,7	26,5	9,4	31,6
<b>Вступал ли мигрант в конфликты на территории страны пребывания</b>							
Нет	80	88,5	76,5	77,8	83,7	71,9	85,0
Да, с местным населением	5,3	3,8	8,8	8,3	6,1	6,2	10,0
Да, с другими приезжими	14,7	7,7	14,7	13,9	10,2	21,9	5,0
<b>Становился ли мигрант жертвой преступлений во время пребывания на заработках</b>							
Да	7,1	3,8	17,6	2,8	2,0	21,9	5,0
Нет	85,3	80,8	82,4	86,1	89,8	75,0	80,0
Затрудняюсь ответить	7,6	15,4	0,0	11,1	8,2	3,1	15,0

На наш взгляд, высокий уровень социального неприятия и напряженности между резидентами и приднестровскими мигрантами молдавской и украинской этнических групп, а также мигрантами, имеющими гражданство Республики Молдова и Украины, нельзя объяснить по примеру примордиалистов<sup>1</sup> (Д. Л. Горовица, П. Ван ден Берге, Дж. Бартона, Л. Н. Гумилева) только биологическими особенностями этнических и национальных групп. В этом контексте более обоснованной выглядит позиция инструменталистов<sup>2</sup> (С. Корнеля и Д. Хартмана), которые утверждают, что неприязнь — это продукт человеческого восприятия, социальная конструкция, которая подвержена влиянию институциональных, политических и экономических факторов [Шапаров 2010: 65–66].

Согласно исследованиям ВЦИОМ, на восприятие мигрантов местным населением влияют как экономические, так и социокультурные основания. Так 83% россиян в целом согласны с тем, что «иммигранты создают конкуренцию на рынке труда и “отнимают” работу местных жителей». Кроме того, 88% указывают на то, что «иммигранты повышают уровень преступности, коррупции». 83% убеждены, что «надо поддерживать въезд в страну русского и русскоязычного населения, ограничивая въезд представителей иных национальностей».

С другой стороны, 53% россиян отмечают, что «иммиграция — это в целом хорошо для развития экономики»; 49% замечают, что «иммигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам»; 41% опрошенных высказывает мнение, что «с помощью иммиграции можно решить демографическую ситуацию в России»; 82% склоняются к тому, что «надо поддерживать въезд в страну молодых и образованных граждан, ограничивая въезд нетрудоспособных и малообразованных граждан из других стран» [Иммиграция в Россию].

А. И. Стребков утверждает, что в современных городах возрастание доли национальных меньшинств порождает борьбу между ними и местными жителями за долю богатства данного города. Конфликту также способствуют разрыв темпов экономического развития регионов, давление миграции на большие города, отсутствие интеграции национальных меньшинств в общую созидательную деятельность, этнические стереотипы, диаспорность,

---

<sup>1</sup> Примордиализм — одно из направлений этнологии (этнографии), рассматривающее этнос как изначальное и неизменное объединение людей «по крови» с неизменными признаками.

<sup>2</sup> Инструментализм — одно из направлений этнологии (этнографии), признающее этничность инструментом, с помощью которого люди добиваются тех или иных целей, а этническая идентичность, таким образом, — это ситуативная роль, сознательный выбор.

общая обездоленность граждан и др. [Стребков 2007: 122–123]. Аналогичные аргументы конфликтности в сфере миграции выдвигает и А. В. Дмитриев [Дмитриев, Пядухов 2005].

Вторичный анализ результатов социологических исследований мигрантофобии в России показывает, что местное население лучше относится к мигрантам из Беларуси, Молдовы, Украины (территория ПМР входит в этот регион), чем к мигрантам из иных регионов СНГ [Бойков 2007: 77; Мукомель 2011; Отношение к мигрантам-соседям]. Однако результаты массовых опросов последних месяцев, проведенных на территории России, показывают рост неприязни по отношению к выходцам из Республики Молдова и Украины. Фактором роста неприязни служат политические события в этих странах. Опросы ВЦИОМ на тему вступления Грузии, Молдавии и Украины в ассоциацию с ЕС показали, что 65% россиян уверены, что отношения России с Грузией, Молдавией и Украиной в результате заключения договора об ассоциации с ЕС ухудшатся. Три четверти респондентов (78%) одобряют решение российских властей о запрете импорта молдавских яблок, украинских овощей, молока и ряда других продуктов. Принятые меры считают достаточными 67% россиян. Среди опрошенных 13% полагают, что России следует предпринять еще какие-либо шаги в ответ на подписание данного документа [Вступление Украины]. Под влиянием подобных событий эмоциональная оценка образа иммигрантов из этих стран становится более негативной [Щебетенко 2010: 29]. Происходит общественно-политическая маркировка, или то, что Д. Буков и Р. Ларуора обозначили как «этнизацию мигрантов», т. е. разграничение отличительных культурных черт средствами политики, культуры, СМИ [Габдрахманова 2007].

### *Трудовые конфликты, дискриминация и эксплуатация мигрантов*

На мировом рынке труда мигранты рассматриваются как отдельная социальная группа, при описании деятельности которой часто используются категории «дискриминация» и «эксплуатация».

Дискриминация может проявиться при найме на работу или увольнении с нее, при оплате труда, при продвижении по службе. Она может быть следствием объективных причин, таких как отсутствие законных оснований для приема на работу, или субъективных факторов, таких как недостаточный уровень образования, квалификации, знания языка. Эксплуатация мигрантов выражается в ненормированности их труда при задержке и невыплате

заработной платы, при удержании удостоверений личности, при угрозе выдачи властям и депортации [Безбордова, Скребцова 2011; Чупик 2014].

В России иностранные работники эксплуатируются в таких «мигрантских» секторах, как строительство и ремонтные работы, торговля и общественное питание, сельское и лесное хозяйство, обрабатывающие отрасли промышленности, транспортная отрасль, сфера жилищно-коммунального и домашнего хозяйства [Рязанцев 2013].

Исследования проблем мигрантов, прибывших из союзных республик и находящихся на заработках в России, показывают, что, в отличие от мигрантов-иностранцев в странах Запада они не представляют угрозу существованию социума, в котором находятся; при этом, обладая качественным трудовым потенциалом в сфере занятости, мигранты нередко оказываются в положении социально незащищенных. Даже высококвалифицированный специалист, ранее входивший в профессиональную элиту, в условиях миграции может оказаться в ситуации профессиональной маргинализации. Фактором маргинальности является сам характер вынужденного переезда, неопределенный правовой статус, недостаток ресурсов для жизнеобеспечения, невозможность применить профессиональные знания и опыт [Волкова 2006].

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что мигранты из Приднестровья в большинстве своем обладают высоким уровнем образования. Но между уровнем образования мигрантов и их этническим и гражданским статусами отсутствует какая-либо корреляция.

Таблица 3

**Уровень образования приднестровских мигрантов (%)**

Вопросы анкеты и варианты ответов	Все приднестровские мигранты	Этничность			Гражданство		
		Русская	Молдавская	Украинская	Россия	Р. Молдова	Украина
<b>Образование трудового мигранта?</b>							
Высшее	<b>35,0</b>	34,6	44,1	26,5	38,8	31,3	33,3
Незаконченное высшее	<b>13,0</b>	7,7	11,8	20,6	8,2	18,8	16,7
Среднее специальное	<b>42,0</b>	38,5	35,3	50,0	36,7	43,8	50,0
Среднее	<b>10,0</b>	19,2	8,8	2,9	16,3	6,3	0,0

Анализ занятости приднестровских мигрантов с точки зрения этнического и гражданского статусов показывает, что мигранты из Приднестровья принадлежащие к русской этнической группе и имеющие российское гражданство, отличаются от этнических молдаван и украинцев, являющихся гражданами Республики Молдова и Украины (также выходцев из Приднестровья) тем, что у них более надежная работа (в большинстве случаев на легальной основе), а должности и статус более высоки, они реже сталкиваются с дискриминацией при оплате труда, меньше ощущают угрозу увольнения (Табл. 4).

Таблица 4

**Характеристика занятости приднестровских мигрантов (%)**

Вопросы анкеты и варианты ответов	Все приднестровские мигранты	Этничность			Гражданство		
		Русская	Молдавская	Украинская	Россия	Р. Молдова	Украина
1	2	3	4	5	6	7	8
<b>Что представляет собой работа за рубежом</b>							
Работа по найму на постоянной основе	46,1	57,7	44,1	47,2	59,2	28,1	40,0
Работа по найму на временной основе	39,2	30,8	32,4	44,4	26,5	46,9	60,0
Индивидуальный предприниматель без найма работников или самозанятость	3,9	3,8	8,8	0,0	2,0	9,4	0,0
Бизнес с наймом работников	7,8	7,7	5,9	8,3	12,2	6,2	0,0
Разовая (случайная) работа	2,9	0,0	8,8	0,0	0,0	9,4	0,0
<b>Легально ли трудоустроился мигрант</b>							
Легально (по трудовой книжке)	60,6	92,0	55,9	52,8	75,0	46,9	50,0
Нелегально (по устной договорённости)	39,4	8,0	44,1	47,2	25,0	53,1	50,0
<b>Должность, на которой мигрант работает</b>							
Рабочий	52,4	26,9	47,1	72,2	38,8	62,5	65,0
Специалист	37,1	53,8	47,1	19,4	51,0	28,1	20,0
Служащий	10,6	19,2	5,9	8,3	10,2	9,4	15,0

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8
<b>Существует ли разница в зарплате местных сотрудников и мигрантов</b>							
Да	<b>34,7</b>	23,1	38,2	27,8	26,5	40,6	35,0
Нет	<b>54,1</b>	<b>50,0</b>	61,8	58,3	<b>59,2</b>	56,2	45,0
Затрудняюсь ответить	<b>11,2</b>	26,9	0,0	13,9	14,3	3,1	0,0
<b>Ощущается ли угроза увольнения работника из-за того, что он мигрант</b>							
Да	<b>15,9</b>	11,5	23,5	13,9	12,2	21,9	20,0
Нет	<b>71,2</b>	<b>73,1</b>	67,6	<b>77,8</b>	<b>75,5</b>	62,5	65,0
Затрудняюсь ответить	<b>12,9</b>	15,4	8,8	8,3	12,2	15,6	15,0

Г. Беккер причину дискриминации в сфере оплаты труда национальных групп, имеющих одни и те же характеристики, видел в предубеждениях работодателя. Создатели теории статистической дискриминации К. Эрроу и Э. Фелпс логику подобного работодателя объясняют тем, что потенциальный работник оценивается им с учетом средних характеристик группы, к которой он относится [Шестакова, Сафонова 2013: 135–136]. В случае с приднестровскими мигрантами их этнический и гражданский статусы могут быть опосредованы стереотипами восприятия этнического и гражданского статусов мигрантов из Республики Молдова и Украины, что связано с их специфическими чертами выходцев из разных стран (образование, язык, культура, традиции и т. д.) [Аблажей 2012; Щebetенко 2010].

В России работа с мигрантами по социально-трудовому направлению предполагает консультирование по вопросам занятости, практическое содействие в трудоустройстве. В Приднестровье предотвращение конфликтов в сфере миграции возможно при оказании посреднических услуг между мигрантами и принимающей стороной (в первую очередь с работодателями), а также правовая поддержка в случае выявления фактов дискриминации и эксплуатации на рынке труда принимающих стран.

### *Заключение*

Природа конфликтов в сфере трудовой миграции имеет сложный характер, так как основанием для конфликта могут служить как субъективные, так и объективные факторы.

Группы мигрантов в принимающем обществе имеют различный конфликтный потенциал, обусловленный как самим фактом миграции, так и этническим

и гражданско-правовым статусами мигрантов. Анализ приднестровского потока мигрантов, состоящего в основном из представителей трех этнических и трех гражданско-правовых групп, показывает, что такие факторы как этничность и гражданство оказывает существенное влияние на положение мигранта в принимающем обществе.

Более благоприятное положение приднестровских этнических русских мигрантов, а также мигрантов, имеющих гражданство Российской Федерации, прибывших на ее территорию, можно объяснить отсутствием дихотомии «свой — чужие» в правовом поле (регистрация, право на работу), на личностном уровне (идентичность, язык, культура), на уровне социальных контактов (включенность/исключенность, дискриминации в том числе и в сфере занятости). Особенность этой группы приднестровских мигрантов состоит в том, что они могут не идентифицировать себя как мигрантов и не быть маркированными в качестве таковых со стороны принимающего социума, а следовательно не вписываться в социологическое понимание Т. Н. Юдиной мигрантов как социальной группы.

Менее благоприятно положение прибывших в Российскую Федерацию приднестровских молдаван и украинцев, а также тех, кто является гражданами Республики Молдова и Украины, что объясняется как объективными правовыми факторами возникновения трудностей на российской территории, так и ситуативными, связанными с восприятием приднестровских мигрантов с точки зрения их принадлежности к молдавскому и украинскому этносам и граждан Республики Молдова и Украины.

#### ЛИТЕРАТУРА

Аблажей 2012 — *Аблажей Н. Н.* Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «История, филология». 2012. Т. 11. № 6. С. 17–23.

Бабилунга 1999 — *Бабилунга Н. В.* Территориальная идентичность как фактор политической стабильности Приднестровья // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция: Материалы науч.-практ. конф. (29.09.1998, г. Кишинев) / сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО Института этнологии и антропологии РАН, 1999. 404 с.

Безбордова, Скребцова 2011 — *Безбордова Т. М., Скребцова А. А.* Дискриминация мигрантов в социально-трудовой сфере: причины и пути преодоления // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2011. № 1. С. 81–90.

Бельски 2008 — *Бельски М.* Историко-психологический анализ маргинального конфликта личности в условиях эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12 «Психология. Социология. Педагогика». 2008. № 1. С. 210–214.



Бойков 2007 — *Бойков В. Э.* Социальные аспекты миграции населения // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 77.

Волкова 2006 — *Волкова О. А.* Социологическая модель социальной работы в условиях маргинализации: монография. Челябинск: ИИУМЦ «Образование», 2006. 166 с.

Вступление Украины — Вступление Украины, Грузии и Молдавии в ассоциацию с ЕС: последствия для этих стран и для России // URL: [HTTP://WCIOM.RU/INDEX.PHP?ID=459&UID=114953](http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114953)

Габдрахманова 2007 — *Габдрахманова Г. Ф.* Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 116–121.

Глухова 2005 — *Глухова А. В.* Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 100–106.

Горинова 2010 — *Горинова Е. В.* Мигрант как объект социальной интеграции в принимающую среду: социально-синергетический подход // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2010. № 2.

Губогло 1999 — *Губогло М. Н.* Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей: опыт Приднестровья // Непризнанная республика: очерки, документы, хроника. М., 1999. Т. 3.

Дмитриев 2009 — *Дмитриев А. В.* Миграция: конфликтное измерение. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Альфа-М, 2009. 416 с.

Дмитриев, Пядухов 2005 — *Дмитриев А. В., Пядухов Г. А.* Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 90–99.

Иммиграция в Россию — Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322>

Колосов, Заяц 2001 — *Колосов В. А., Заяц Д. В.* Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 88–122.

Лебедева, Татарко 2005 — *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 51–64.

Мананова 2013 — *Мананова В. Э.* Миграция как фактор конфликтогенности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2013. Вып. 1. С. 3.

Маслова 2008 — *Маслова О. В.* Основные подходы к изучению межкультурной адаптации в зарубежной психологии // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2008. № 3. С. 12–21.

Мукомель 2011 — *Мукомель В. И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России: Социология, этнология. 2011. Т. 20. № 1. С. 34–50.

Нос 2007 — Нос Н. М. Мигрантофобия как социальное явление в структуре межэтнических отношений: дис. ... канд. социол. наук / Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2007.

Отношение к мигрантам-соседям — Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам // URL: <http://fom.ru/Mir/10442>

Парк 1998 — Парк Р. Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11 «Социология». 1998. № 3. С. 167–176.

Психологическая помощь 2002 — Психологическая помощь мигрантам. Травма, смена культуры, кризис идентичности / Г. Солдатова, Л. Шайгерова, В. Калининко, О. Кравцова. М.: Смысл, 2002. 479 с.

Рынок денежных переводов 2013 — Рынок денежных переводов: тенденции, потенциал и вклад в экономическое развитие Приднестровья // Вестник Приднестровского республиканского банка. 2013. № 3. С. 13–18.

Рязанцев 2013 — Рязанцев С. В. Трудовая эксплуатация мигрантов в России — Миграционные мосты в Евразии // Материалы V Международной конференции «Трудовая миграция в Российской Федерации: предотвращение трудовой эксплуатации, стимулирование социально-экономического развития, совершенствование регулирования» и международной школы для молодых ученых «Междисциплинарные подходы к исследованию миграции населения». М.: Экон-информ, 2013. С. 214–219.

Смолина 2012 — Смолина Т. Л. Теории этапов кросс-культурной адаптации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 5. С. 267–271.

Стребков 2007 — Стребков А. И. Интолерантность и ксенофобия в большом городе // Государство — власть — безопасность: сб. науч. работ. Омск: Изд-во Омского гуманитарного института, 2007.

Сулягина 2013 — Сулягина Ю. О. Конфликты в сфере трудовой миграции: взаимодействие объективных и субъективных факторов // Конфликтология. 2013. № 2. С. 118–131.

Человек «на границе» 1998 — Человек «на границе»: проблема маргинальности в зеркале социологической классики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 «Социология. Реферативный журнал». 1998. № 2. С. 156–172.

Чупик 2014 — Чупик В. Дискриминация мигрантов в России // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М.: НП «Центральный Дом адвоката». Московское бюро по правам человека. «Academia», 2014. С. 111–138.

Шапаров 2010 — Шапаров А. Е. Иммиграционная политика: генезис и современные тенденции (Австралия, Великобритания и Канада): моногр. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т, 2010. 305 с.

Шестакова, Сафонова 2013 — Шестакова А. С., Сафонова О. Н. Проблемы дискриминации на российском рынке труда // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2013. № 4 (8).

Щебетенко 2010 — *Щебетенко С. А.* Восприятие иммигрантов россиянами: эффекты когнитивной нагрузки, стереотипности и черт личности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 28–38.

Юдина 2006 — *Юдина Т. Н.* Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. С. 87–90.

#### REFERENCES

1. *Ablazhej N. N.* Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: «Istorija, filologija». 2012. T. 11. № 6. S. 17–23.
2. *Babilunga N. V.* Territorial'naja identichnost' kak faktor politicheskoj stabil'nosti Pridnestrov'ja // Jetnicheskaja mobilizacija i mezhjetnicheskaja integracija: Materialy nauch.-prakt. konf. (29.09.1998, g. Kishinev) / sost. i otv. red. M. N. Guboglo. M.: CIMO Instituta jetnologii i antropologii RAN, 1999. 404 s.
3. *Bel'ski M.* Istoriko-psihologicheskij analiz marginal'nogo konflikta lichnosti v usloviyah jemigracii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12 «Psihologija. Sociologija. Pedagogika». 2008. № 1. S. 210–214.
4. *Bezbordova T. M., Skrebцова А. А.* Diskriminacija migrantov v social'no-trudovoj sfere: prichiny i puti preodolenija // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Jekonomika». 2011. № 1. S. 81–90.
5. *Bojkov V. Je.* Social'nye aspekty migracii naselenija // Sociologicheskie issledovanija. 2007. № 12. S. 75–79.
6. Chelovek «na granice»: problema marginal'nosti v zerkale sociologicheskoi klassiki // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11 «Sociologija. Referativnyj zhurnal». 1998. № 2. S. 156–172.
7. *Chupik V.* Diskriminacija migrantov v Rossii // Migranty, migrantofobii i migracionnaja politika / otv. red. V. I. Mukomel'. M.: NP «Central'nyj Dom advokata». Moskovskoe bjuro po pravam cheloveka. «Academia», 2014. 245 s.
8. *Dmitriev A. V.* Migracija: konfliktnoe izmerenie. 2-e izd., ispr. i pererab. M.: Al'fa-M, 2009. 416 s.
9. *Dmitriev A. V., Pjaduhov G. A.* Jetnicheskie grupy migrantov i konflikty v anklavnyh rynkah truda // Sociologicheskie issledovanija. 2005. № 8. S. 90–99.
10. *Gabdrachmanova G. F.* Jetnichnost' i migracija: stanovlenie issledovatel'skih podhodov v otechestvennoj jetnosociologii // Sociologicheskie issledovanija. 2007. № 1. S. 116–121.
11. *Gluhova A. V.* Politicheskaja konfliktologija pered vyzovami globalizacii // Sociologicheskie issledovanija. 2005. № 8. S. 100–106.
12. *Gorinova E. V.* Migrant kak objekt social'noj integracii v primajushhuju sredu: social'no-sinergeticheskij podhod // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. 2010. № 2. S. 42–49.

13. *Guboglo M. N.* Tjazhкое bremja konkurirujushhih identichnostej: opyt Pridnestrov'ja // Nepriznannaja respublika: ocherki, dokumenty, hronika. M., 1999. T. 3. 286 s.
14. *Immigracija v Rossiju: blago ili vred dlja strany?* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322>
15. *Judina T. N.* Sociologija migracii. M.: Akademicheskij Proekt. 2006. 272 s.
16. *Kolosov V. A., Zajac D. V.* Moldova i Pridnestrov'e: nacional'noe stroitel'stvo, territorial'nye identichnosti, perspektivy razreshenija konflikta // Vestnik Evrazii. 2001. № 1. S. 88–122.
17. *Lebedeva N. M., Tatarko A. N.* Jetnicheskaja identichnost', status gruppy i tip rassele-nija kak faktory mezhhruppovoj intolerantnosti // Psihologicheskij zhurnal. 2005. № 3. S. 51–64.
18. *Manapova V. Je.* Migracija kak faktor konfliktogennosti // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija». 2013. Vyp. 1. S. 110–115.
19. *Maslova O. V.* Osnovnye podhody k izucheniju mezhhkul'turnoj adaptacii v zarubezhnoj psihologii // Vestnik Rossijskogo universiteta Druzhyby narodov. Serija «Psihologija i pedagogika». 2008. № 3. S. 12–21.
20. *Mukomel' V. I.* Integracija migrantov: vyzovy, politika, social'nye praktiki // Mir Rossii: Sociologija, jetnologija. 2011. T. 20. № 1. S. 34–50.
21. *Nos N. M.* Migrantofobija kak social'noe javlenie v strukture mezhhjetnicheskikh otnoshenij: dis. ... kand. sociol. nauk / Krasnodarskij universitet MVD Rossii. Krasnodar, 2007. 185 s.
22. Otnoshenie k migrantam-sosedjam i migrantam-kollegam // URL: <http://fom.ru/Mir/10442>.
23. *Park R. Je.* Chelovecheskaja migracija i marginal'nyj chelovek // Social'nye i gumani-tarnye nauki. Ser. 11 «Sociologija». 1998. № 3. S. 167–176.
24. Psihologicheskaja pomoshh' migrantam. Travma, smena kul'tury, krizis identichnosti / G. Soldatova, L. Shajgerova, V. Kalinenko, O. Kravcova. M.: Smysl, 2002. 479 s.
25. *Rjazancev S. V.* Trudovaja jekspluatacija migrantov v Rossii — Migracionnye mosty v Evrazii // Materialy V Mezhdunarodnoj konferencii «Trudovaja migracija v Rossijskoj Federacii: predotvrashhenie trudovoj jekspluatacii, stimulirovanie social'no-jekonomicheskogo razvitiya, sovershenstvovanie regulirovanija» i mezhdunarodnoj shkoly dlja molodyh uchenyh «Mezhdisciplinarnye podhody k issledovaniju migracii naselenija». M.: Jekon-inform, 2013. S. 214–219.
26. Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja // Vestnik Pridnestrovskogo republikanskogo banka. 2013. № 3. S. 13–18.
27. *Shaparov A. E.* Immigracionnaja politika: genezis i sovremennye tendencii (Avstralija, Velikobritanija i Kanada): monogr. Arhangel'sk: Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj un-t, 2010. 305 s.

28. *Shestakova A. S., Safonova O. N.* Problemy diskriminacii na rossijskom rynke truda // Modeli, sistemy, seti v jekonomike, tehnikе, prirode i obshhestve. 2013. № 4 (8). S. 135–144.
29. *Shhebetenko S. A.* Vosprijatie immigrantov rossijanami: jeffekty kognitivnoj nagruzki, stereotipnosti i chert lichnosti // Psihologicheskij zhurnal. 2010. T. 31. № 2. S. 28–38.
30. *Smolina T. L.* Teorii jetapov kross-kul'turnoj adaptacii // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2012. № 5. S. 267–271.
31. *Strebkov A. I.* Intolerantnost' i ksenofobija v bol'shom gorode // Gosudarstvo — vlast' — bezopasnost': sb. nauch. rabot. Omsk: Izd-vo Omskogo gumanitarnogo instituta, 2007. S. 114–135.
32. *Suljagina Ju. O.* Konflikty v sfere trudovoj migracii: vzaimodejstvie ob#ektivnyh i sub#ektivnyh faktorov // Konfliktologija. 2013. № 2. S. 118–131.
33. *Volkova O. A.* Sociologicheskaja model' social'noj raboty v uslovijah marginalizacii: monografija. Cheljabinsk: IIUMC «Obrazovanie», 2006. 166 s.
34. Vstuplenie Ukrainy, Gruzii i Moldavii v associaciju s ES: posledstvija dlja jetih stran i dlja Rossii // URL: [HTTP://WCIOM.RU/INDEX.PHP?ID=459&UID=114953](http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114953).